

2

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Журнал научный, литературный
и политический

/Америка в России/

Москва, 1882.

ИЧ. II

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ *)

IV. Дядьково и хрустальная гута. — Колючие воробьи. — Рабочіе типы. —
 Степанный мисель и хрустальные метеоры.

Въ Дядьковѣ у станціи желѣзной дороги стоялъ чрезвычайно оригинальный экипажъ, что-то похожее на небольшой омнибусъ со входомъ позади и скамейками по бокамъ. Сверху на тонкихъ перекладинахъ держался кожаный зонтикъ съ полами, падавшими внизъ; ихъ можно было застегивать и отстегивать отовсюду. Экипажъ этотъ запряженъ былъ превосходными лошадьми собственнаго завода, полученными отъ скрещиванія породы верховой и крымской, доставляемой изъ таврическаго имѣнія «Гайвань». Кони эти красивы и сильны, съ ровною, размашистою рысью. Они неутомимы при долгихъ перѣздахъ. Они насъ мигомъ домчали къ господскому дому, передъ небольшимъ прудомъ. Величавая аллея вѣковыхъ березъ ведетъ къ главному подъѣзду... Отсюда видна часть села съ большою бѣлою церковью, стоящею на холмѣ, и строениями гуты, изъ которыхъ клубился дымъ, подымаясь прямо къ безоблачному, ясному небу... Еще дальше видѣлись каменные и деревянные дома мѣстныхъ крестьянъ, выстроенные на широкую ногу. Это скорѣе напоминаетъ уѣздный городокъ, чѣмъ село, заброшенное въ глуши и живущее только однимъ хрустальнымъ производствомъ. Большая двухъэтажная кирпичная зданія больницы, котторы, магазинъ, двѣ крестообразно пересѣкающіяся, улицы обставленныя хорошими постройками, кучи дѣтей на улицахъ, обиліе воздуха и простора — производить чрезвычайно свѣтлое впечатлѣніе послѣ деревень, еще недавно мучившихъ душу свою непріглядною и безвыходною нищетой.

*) Русская Мысль, кн. I.

Кромѣ прудовъ, работающихъ на заводъ и шлифовальни, черезъ Дядьково бѣгутъ еще три рѣчонки: Ольшанка, Жировка и Бѣлая, придающія дѣломъ много очарованія этому пейзажу съ густыми березовыми рощами посреди села, съ пышною каймою стараго, кондоваго дѣла, поднимающагося тутъ же за околицей.

Живой, энергическій старикъ, на обрамленномъ сѣдою бородой лицѣ котораго неволью выдавались умные сѣрые глаза, встрѣтилъ насъ въ господскомъ домѣ. Небольшаго роста, дѣтъ осьмидесяти, онъ былъ быстръ въ движеніяхъ и силенъ, какъ молодой человѣкъ. Потомъ, когда я узналъ его ближе, я не разъ изумлялся неутомимости и выносливости этого на диво сложеннаго, точно для самой работы созданнаго природою на образецъ человѣка. Но никогда не ослабляющейсѣ энергіи онъ казался моложе насъ. Полную характеристику этой замѣчательной личности я дамъ въ слѣдующей главѣ. С. И. Мальцовъ былъ одѣтъ въ сѣрый армякъ, такой же, какой я видалъ и на его рабочихъ. Въ ту минуту, когда мы вошли къ нему, онъ живо и горячо спорилъ о чемъ-то съ однимъ изъ своихъ управляющихъ изъ крестьянъ, одѣтымъ въ такой же непритязательный костюмъ...

— Очень радъ васъ видѣть... Инюсти просимъ, смотрите и наблюдайте, — здѣсь есть что замѣтить!

Слишкомъ много даже, какъ оказалось впоследствии, — настолько много, что на первый разъ я, уже привычный къ пейзажамъ такого рода, просто растерялся въ обилии интереснаго матеріала для наблюденія и не зналъ, на чемъ именно остановиться... Въ первый же день я рѣшилъ осмотрѣть знаменитую здѣшнюю гуту, т. е. хрустальный заводъ.

Хрустальное производство въ родѣ Мальцовыхъ ведетъ свое начало еще съ того времени, когда Русь порвала всякія сношенія съ Ганзой. Тогда одинъ изъ Мальцовыхъ отправился за границу и тамъ на мѣстѣ изучилъ новое для Московскаго княжества производство. Назадъ онъ вернулся уже знатокомъ хрустальнаго дѣла, да кстати привезъ со собою и мастеровъ ихъ «бусурманскихъ», изъ нѣмцевъ. Для устройства гуты ему отвели землю близъ Трубчевска, а потомъ заводъ, уже дѣйствовавшій и работавшій на Москву, былъ переведенъ въ Гжатскъ. Весь этотъ округъ находился, какъ здѣсь говорятъ, «подъ Мальцовыми». Они не только были хозяевами гуты, они воеводствовали въ этомъ краѣ. Ихъ въ свое время жаловали гербами, помѣстьями, уѣздами, но дѣла своего они не оставляли и правдѣ нынѣшня-

го владельца перенесъ свой хрустальный заводъ въ Радницу, гдѣ теперь производится оконное стекло. Въ 1790 году секундъ-майоръ Иванъ Мальцовъ нашелъ лучшимъ устроить большой хрустальный заводъ въ Дядьковичахъ, или нынѣшнемъ Дядьковѣ.

Гута поставлена на берегу богатаго водою источника, въ который нѣсколько пониже впадаютъ три рѣчки: Ольшанка, Жировка и Бѣлая. Ихъ водою пользуются шлифовальни и другія отдѣленія завода. Кварцевый песокъ на гуту привозится изъ Жиздринскаго и Дмитровскаго уѣздовъ. Поташъ доставляется съ Нижегородской ярмарки водою до Балуги. Изъ Бѣлевскаго и Новгородъ-Сѣверскаго уѣздовъ привозится глина, необходимая для доилицъ—громальныхъ вмѣстилницъ, гдѣ варится стекло. Прежде ее доставляли сюда даже изъ Финляндии. Кварцевый песокъ на фабрику идетъ теперь свой, потому что его нашли достаточно въ Жиздринскомъ уѣздѣ. Передо мною цѣлая гора этой серебристой, мягкой, сверкающей подъ солнцемъ массы. Во Франціи кварцевый песокъ нѣсколько лучше, потому и работать изъ него легче и дешевле. Около—паровая мельница для кварца, откуда доносится грохотъ жернововъ. Мы входимъ. Въ воздухѣ стоитъ бѣлая пыль; каша и на мучной мельницѣ, лица, платья, волосы рабочихъ покрыты ею. По два жернова ребромъ бѣгаютъ въ каждой формѣ вокругъ ея оси и мелютъ кварцъ. Бѣлый налетъ сѣлъ на стѣны, имъ дышешь, онъ заползаетъ въ носъ, въ глаза, въ уши.

— Трудно?—обращаюсь я къ рабочему, внимательно слѣдующему за бѣгунками.

— Чего трудно!... Эта работа—легкая. Въ гутѣ трудно, потому тамъ на жарѣ передъ печью... А тутъ ничего.

— Ну, а грудь не болитъ?

— Чего ей болѣть!... Привышная.

...Какія желѣзные легкія нужны для этого!

Отсюда кварцъ поступаетъ вверхъ, въ амбары. Онъ уже совсемъ готовъ для плавки.

Рядомъ поташъ осаждается въ чугунныхъ бочкахъ... Въ воздухѣ стоитъ специфическій запахъ. Блѣдые лица зашедшихъ этимъ дѣломъ кажутся еще болѣе блѣдными отъ полумрака, царствующаго здѣсь.

Готовыя уже массы материала доставляются къ гутѣ—громадному каменному зданію, внутри котораго, подъ высокою кров-

гдѣ снопляется сумракъ, тоится и ярко сверкаютъ огневывъзъями своими три колоссальныхъ печи. Подходя ближе, вы бчаете, что каждая изъ нихъ устроена на двѣнадцать устьевъ, е. на двѣнадцать дойницъ. Въ каждой дойницѣ плавится по двѣнадцать два пуда массы, смѣшанной съ битымъ хрусталемъ. Ено двѣнадцать часовъ, чтобы масса сварилась. Изъ заставныхъ заслонками устьевъ вырываются языки краснаго пламени. Отворили заслонки — и точно солнце свергнуло намъ въ ва. Совсѣмъ бѣлый солнечный блескъ. Едва намѣчиваются этомъ ослѣпительномъ сияніи тоже бѣлые, раскаленные края ницъ, сдѣланныхъ изъ англійской огнеупорной глины.

— Молочко наше пришли посмотреть? — встрѣтилъ меня сумный рабочий, возившійся у одного изъ устьевъ.

Сравненіе дѣйствительно было вѣрно.

Расплавленное стекло казалось яркимъ, самосвѣтящимся тумомъ молокомъ. Рабочій зачерпнулъ его концомъ зрута. Сумъ, густившійся кругомъ, разомъ освѣтился. На желѣзномъ тѣ бѣлымъ молочнымъ блескомъ ярко горѣлъ и тянулся длинными нитями комъ расплавленной массы...

— Вы завтра приходите, когда работа будетъ. Тогда у насъ интересно, — пригласилъ меня завѣдующій гутой крестьянинъ Ховъ...

Внизу — темные ходы подъ гуту. Мы спустились туда... Ираче кирпичные своды озаряются только краснымъ зловѣщимъ блескомъ прованскихъ печей, устроенныхъ подъ стекловарнями. Обходили вобругъ какими-то жалами, узкими и тѣсными, но черви проточили ихъ въ этой каменной, прочной, на вѣкъ женой, массѣ. Температура выше египетской, совсѣмъ багъ въ тѣ на полку, когда услужливый малецъ швыряетъ въ каменку йгу за шайкой воды и удушливый зеленый паръ набѣгаетъ гуда и клубится подъ потолкомъ. Вонь около одной изъ печей — кой терсъ. Точно натурщикъ, стоитъ голый рабочий и преравно ивно смотритъ въ огонь. Другой рядомъ въ томъ же костюмѣ не иности подставилъ въ этой, и безъ того убійственной, жарѣ спи ебъ огню, а самъ беззаботно чинить себѣ штаны, не обращая иmania на то, что злобные красные языки пламени дорываются самому его тѣлу... Оставляя эти печи, опять погружаешься во лу и прохладу кирпичныхъ жилъ, гдѣ на первыхъ порахъ да жутко становится. Такъ и кажется, что вся эта масса камня идетъ и похоронитъ тебя подъ собою. Внизу въ печаль, между

дровами, бузырится, вскипаетъ, трескается и взрывается яркими звѣздами стеклянная лава.

— Какъ она попала сюда изъ варнищъ?

— А бросать не умѣютъ. Мимо дойницъ прямо сюда и проскочила сверху.

— Куда же ее?

— Какъ выгребемъ, на простые стеклянные заводы, на бутылки, на грубые издѣлія разные пошлемъ. У насъ ничего не пропадаетъ.

Лава эта играетъ роль шлаковъ на желѣзныхъ заводахъ. Такъ же, какъ и они, горитъ красивымъ зеленымъ блескомъ и также тутъ не идетъ въ дѣло... Вернувшись на верхъ, мы вздохнули съ видимымъ облегченіемъ. Намъ показали специальную печь для варки колоритнаго хрусталя, другія для пробалки въ высокой температурѣ уже готовата хрусталя—ранѣе, чѣмъ онъ подъ тисками приметъ должную форму. Вонъ громадная печь съ окномъ, гдѣ прокаливаются и выравниваются зеркальныя стекла. И все это сегодня было пустынно и безлюдно. Праздникъ, — работы нѣтъ. Только огонь дѣлаетъ свое дѣло, да стеклянное молоко съ глухимъ шумомъ и всхлипываніемъ кипитъ въ дойницахъ.

На другой день гута была незнакома.

Я остановился на ея порогѣ и долго ориентировался прежде, чѣмъ могъ дать себѣ отчетъ, куда идти, что дѣлать, гдѣ смотрѣть.

Гомонъ подъ высокою кровлей гуты; вокругъ стекловарнищъ толпились цѣлыя таборы рабочихъ... Какіе-то огненные комья летали въ воздухъ; на первыхъ порахъ я даже не различилъ, что это такое. Дѣти массами мелькали между взрослыми отъ печей и къ печамъ; схватывая что-то ярко горящее, они убѣгали куда-то и опять являлись крикливыми толпами. Что-то спѣшное, лихорадочное совершалось кругомъ; слышался, сквозь говоръ и крики толпы, стукъ баянхъ-то стеклянныхъ массъ, топотъ сотенъ ногъ, клочкотаніе расплавленной жидкости въ дойницахъ, трескъ дровъ снизу... На встрѣчу попадались потныя, насупившіяся лица, люди съ отърытой грудью, изнемогавшіе отъ зноя, — бабы, торопившіяся куда-то и мигомъ возвращавшіяся назадъ. Стекловарнищъ горѣли всѣми своими устьями, слѣпя глаза солнечнымъ блескомъ этого свѣтящагося молока. Вокругъ стекала адская жара. Съ непривычки нельзя было и нѣсколько минутъ престоить на мѣстѣ. Когда я подошелъ къ одной печи, мимо меня то и дѣло пробѣгали къ другой, прокальной, дѣти восьми, десяти лѣтъ, неся

туда на лопатахъ уже готовые, но еще горящія красныя огнемъ, точно они сдѣланы были изъ отвердѣвшаго пламени, хрустальныя блюда, солонки, пенельницы, раковины, стаканы, лампады и тысячи другихъ предметовъ, какъ-то мѣшавшихся въ глазахъ и въ памяти въ одну общую массу. Огни, мелькавшие въ воздухѣ, оказались комьями стекла, выхватывавшагося изъ донышекъ на концахъ желѣзныхъ трубочекъ. Помахавъ такимъ комомъ въ воздухѣ и заставивъ его удлиниться, рабочий начиналъ дуть въ трубочку, огненный комъ пузырился, внутри образовывалась пухота, все увеличивавшаяся и увеличивавшаяся отъ притока воздуха... Потомъ тотъ же рабочий опускалъ этотъ горящій стеклянный пузырь въ деревянную форму, продолжая дуть въ трубочку, и стекло принимало требуемый видъ. Другой въ это же самое время обжималъ горлышко пузыря, третій обрѣзалъ его концы; изъ формы вынималась бутылка или графинъ уже готовый, но еще красный, точно какъ и тѣ вещи, о которыхъ мы сказали выше, состоявшій изъ отвердѣвшаго пламени, разбрасывавшій кругомъ рубиновые искры. Рубятинки толпились уже около. Очередной хваталъ бутылку и бѣгомъ передавалъ ее въ прокаливающую печь. Отсюда она поступала въ другую печь, гдѣ ее докаливали... Другіе рабочіе обрѣзывали куски отъ свѣтящихся комьевъ, сколько имъ надо, бросали эти куски въ формы, нажимали прессами — и лампада-пенельница или рюмка были готовы со всѣми узорами, тисненными по мягкому еще стеклу. При этой работѣ уже стоятъ помощники. Когда, положимъ, блюдочко готово, но еще горитъ краснымъ блескомъ, помощникъ беретъ понтій (длинный желѣзный пруть) съ кускомъ уже охладившагося хрустала и дотрагивается имъ до донышка блюда; оно тотчасъ же прилепляется къ хрусталу. Рабочій суетъ его на концѣ понтія въ печь и прокаливаетъ. Когда оно достаточно прокалилось, рабочий схватываетъ его и на томъ же понтіи тычетъ чуть не въ носъ третьему рабочему, который обравниваетъ вещь, направляетъ ее, если та выгнулась, и потомъ, ступнувъ но краю, снимаетъ съ хрустала. Готовое блюдо на лопатѣ уносятъ мальчики опять прокаливаться, но уже въ большую калильную печь, откуда также вылетъ прямо имъ въ лица невыносимымъ жаромъ.

Положительно теряешься, слѣдя за всей этой лихорадочною работою, невольно жмурясь отъ сотенъ комьевъ, точно какіе-то загадочные метеоры мелькающихъ въ сумракѣ, оставляя за собою огнистый слѣдъ.

— Какъ это вы ухитряетесь не тннуть кому-нибудь въ носъ или не обжечь вообще кого-нибудь этими раскаленными кусками стекляннаго бисера.

— Приобыкли... Николи этого у насъ не бываетъ, потому по скольку времни при своемъ мастерствѣ стоимъ, не зря его дѣлаемъ!

Вонъ одинъ совсѣмъ пожелтѣвшій и высохшій отъ жары мастеръ сидитъ и ножницами срѣзываетъ края дутыхъ стакановъ. Зыдуется ихъ изъ расплавленнаго бисера, чиркнетъ ножницами—и стаканъ готовъ. Остается его обравнять деревянною ливесчбой. Она шипитъ и горитъ отъ прикосновенія къ стеклу, но оно тѣмъ не менѣе покорно принимаетъ желаемую форму.

— Что, у васъ каждый рабочій имѣетъ свое названіе?

— Да. Который изъ дойницы беретъ стекло — *наборщикъ*; который наливаетъ въ форму — *наливщикъ*, онъ же и обжимаетъ; который обравниваетъ да отдѣливаетъ — *отдѣлщикъ*; который беретъ на хрусталь и на лентий, чтобы прокалить въ печи — *грѣбщикъ*. Мальчиговъ и дѣвочекъ, принимающихъ стекло, одинаково называемъ — *хловчибами*.

— Ну, а вещи, — на примѣръ, прессъ?

— Это не прессъ: это — станокъ. Это, вотъ, чѣмъ мы обравниваемъ — ливовый лубочекъ; для извертки стекла или для сжиманія шейки и ножки у насъ *ножни* идутъ.

— Ну, а вонъ тотъ, что надуваетъ хрусталь, какъ называется?

— Задѣльщикъ.

Наливщикъ, отдѣльщикъ и формовщикъ составляютъ одну артель; они получаютъ съ сотни, причемъ распредѣляютъ заработокъ такъ, чтобы наливщику, котораго работа потяжелѣе, пришлось на 5 коп. больше, чѣмъ остальнымъ двумъ, уже дѣлящимся между собою по-ровну.

— Сколько же каждый изъ нихъ зарабатываетъ въ день?

— Когда-то много зарабатывали, а теперь больше рубля — трудно.

Прежде заработокъ былъ крупнѣе, потому что требованій на дорогія хрустальныя вещи оказывалось больше. Теперь спросъ упалъ до минимума, ибо иностранцы завалили рынки дешевымъ хрусталемъ. Прежде въ недѣлю приготавливали на здѣшнихъ гутахъ разныхъ вещей тысячъ на десять, теперь же не больше какъ на четыре. Качество французскаго кварца, на примѣръ, гораздо лучшее, притомъ же самая обработка тамешнихъ издѣлій обходится

гораздо дешевле. Таможенные пошлины тоже малы, такъ что заграничное производство убиваетъ русское.

Сложныя вещи работаются у другой стекловарницы.

Вонъ, на примѣръ, одинъ выдуль, взбрасывая вверхъ на трубку, стеклянный пузырь, вдвинулъ его въ чашку, придавъ ему форму графина, обрѣзалъ у шейки остатки, приплюснулъ горло и подхватилъ на холодный хрусталь. Другой подбѣжалъ съ жидкою полоскою стекла, обвернулъ имъ вокругъ — и вышелъ рубчикъ. Наливщикъ посадилъ графинъ шейкой на контикъ, схватилъ другой кусокъ жидкаго стекла, прилепилъ его, придавъ ему желаемую форму — вышли ножки. Пока графинъ еще горитъ краснымъ блескомъ, съ нимъ совершается другая операція: берется болѣе толстая сосулька, прилепляется однимъ концомъ къ шейкѣ и выгибается, прилепляется другимъ концомъ къ низу — и выходитъ ручка. Все это дѣлается съ такою быстротою, что не успеешь досмотрѣть толкомъ, какъ мальчикъ уже бѣжитъ съ готовою вещью въ камильную печь. Вся хитрость въ этомъ случаѣ, поворачивая вещь во всѣ стороны, сохранить ея форму и правильность очертаній. На этой работѣ хорошіе мастера могутъ зарабатывать по два рубля въ день каждый.

Только часа черезъ два я могъ что-нибудь понять въ этой дѣлѣ.

Четвертая печь здѣсь устроена для цвѣтнаго хрустала. Его готовятъ, примѣшивая къ составу различныя металлическія соли. При мнѣ выдѣлывали тутъ большую церковную свѣчу. Схватили изъ дойницы громадный, тяжелый комъ, вмѣстѣ съ рубкой наливщикъ забрался на лѣсенку и тамъ съ платформы началъ расквашивать въ воздухъ и выдувать эту массу, принявшую начала видъ большого арбуза, а потомъ какого-то чудовищнаго, тутъ не строфокамиллова яйца. Яйцо это посадили въ деревянный цилиндръ и давай его разминать, пока оно не приняло должной формы длиннаго и совершенно правильнаго цилиндра. Тутъ зарабатываютъ много. Хорошій мастеръ до трехъ рублей въ день заслужить, но для этого требуется много знаній. Особенно, на примѣръ, при отдѣлкѣ разноцвѣтныхъ свѣчей, когда приходится насаживать цилиндръ на цилиндръ разныхъ колеровъ. Шлифовальники потомъ снимутъ частями слои тутъ или тамъ и выйдутъ концы концовъ изящный и красивый разноцвѣтный рисунокъ.

Въ общемъ вся эта картина гуты, ослѣпительно горящей тысячами всѣхъ своихъ печей, въ высшей степени эффектна.

— Эй вы, гутенские воробьи, живо поверачивайтесь! — крикнулъ управляющій дѣтями, бѣгавшимъ у печей.

— Почему вы ихъ такъ называете?

— Да вѣдь, ишь, черномазые какіе, совсѣмъ какъ наши воробьи, что подъ крышей живутъ.

— Гдѣ это?

— Да вверху. Воробьи страсть вто тепло и дымъ любить, — ну, и вробоятся въ нѣкъ. Гутенские воробьи что трубочисты — силовъ въ сажѣ. Они у насъ и гнѣзда тутъ между балками вьютъ.

Дѣйствительно, только теперь я обратилъ вниманіе на кровлю. Между ея балками сновали дѣлами стая воробьевъ. Когда томонъ въ гутѣ нѣсколько утихалъ, оттуда слышалось ихъ веселое и суетливое чириканье. Изъ трубъ стекловарницъ влублился вверхъ густой чернѣйшій дымъ, и они то и дѣло пролетали черезъ него, — очевидно, это доставляло имъ особенное удовольствіе. Тысячи гнѣздъ лѣлилась у балокъ и стѣнъ кровли.

— У нихъ и маленькіе, только изъ яйца вылуцится, сейчасъ же прокопятся.

— Наше дѣло чистое, оттого и птицы его любятъ! — философски замѣтилъ старѣйшій рабочий обело.

— Наша работа самая справедливая! — согласились рядомъ другіе.

Гдѣ-то ударили въ колоколь... Зазвонили и обело гуты.

Рабочіе точно ждали этого, — разслышали свозъ свистъ кламси въ стекловарняхъ, свозъ бульканіе и кипѣніе киселя, свозъ грохотъ паровой машины. На перегонку бросились къ выходу. Не прошло и минуты, какъ гута опустѣла... Точно въ ней никого и не было, только воробьи чирикали подъ бревнами кровли, да ярко свѣтились печи въ сумракѣ этого громаднаго кирпичнаго сарая... Гдѣ-то уже далеко, далеко слышался говоръ разбѣгающей толпы.

— Что это, обѣдать? — спрашивалъ я у старика, оставшагося со мною.

— Да. Два часа имъ полагається, а потомъ опять сюда... Десять часовъ въ сутки работаютъ у насъ.

— Тухнутъ ли когда-нибудь эти печи?

— Нельзя ихъ тушить: каждый разъ снова разжигать — дорого будетъ стоять.

— А во время праздниковъ?

не работаетъ, а нечи держуются. За-
и шуруемъ (тоннѣ) снизу. Работа наша
немного спуста. — Это, которые дума-
заводахъ трудѣе, — совсѣмъ неправда!
не сидятъ. Вотъ налицо, тѣмъ,
тѣмъ, тѣмъ и еще тяжелѣе. Грудь у нихъ
легче?

Теперь около нечи сидишь — парить тебя.
обить тебя морозомъ, — ну, и будь до-
ры лѣтомъ прямо въ прудъ бѣгутъ; оку-
въ больницу. Больница у насъ точно хо-
диль дѣль по череть легче легкаго. Де-
льщики — тѣ грудью слабнуть, частота

и не встрѣчалъ у крестьянства лег-
мажкомъ магазинъ. — Петербургское ханство.
и бабы. — Баба стеклянная.

встрѣвался въ это оригинальное царство
тѣмъ болѣе я пораженъ былъ самыми
и деталями. —
и описаніе этотъ край, рассказывали мнѣ о
получалъ весьма лестное помяте о бо-
Мнѣ казалось это сказкою изъ «Тысячи
на мѣстѣ я убѣдился въ томъ, что пре-
те, напротивъ, очевидцы рисовали этотъ
места заводами и со ста тысячами рабочихъ
тусклыми красками. Всюду видишь здѣсь
для рекламы, ничего казоваго. Зданія бѣдны
ихъ облупились, заборы зачастую руши-
дѣ ихъ неказистыми кровлями совершаются
пнются торжества русской промышленности
дѣля, вышедши изъ этихъ мастерскихъ,
ремни на выставкахъ у многочисленныхъ
зскихъ конкурентовъ, на миллионы расхо-
не даютъ громаднаго благосостоянія — массѣ

народа, то это потому, что по экономическимъ и таможеннымъ условиямъ иностранныя предложенія плохихъ зачастую, но болѣе дешевыхъ, машинъ забиваютъ здѣшнее. Мы считали до сихъ поръ невозможнымъ выдѣлку стальныхъ желѣзно-дорожныхъ бандажей въ этой мѣстности Россіи и встрѣтили ихъ тутъ доведенными до совершенства. До сихъ поръ только Обуховскій и Сормоновскій заводы занимались этимъ производствомъ. Локомотивы мы покупаемъ за границею, по наивному признанію одного инженера, потому, что здѣшніе выдерживаютъ двойной срокъ ремонта и потому невыгодны для техниковъ. Въ одно время сомною здѣсь обаялся бывший адъютантъ министра путей сообщенія Бобринскаго, генералъ З—ъ. Онъ вернулся изъ Людинова съ недоумѣніемъ.

— Вы знаете, что я видѣлъ здѣсь, совсемъ перевернуло мои понятія.

— Почему?

— Это пощечина для меня, но я ей радуюсь. Это торжество русской промышленности, а я самъ когда-то дѣлалъ доклады о невозможности развить у насъ все, что теперь влѣвъ возникло передо мною. Я еще не могу освоиться съ впечатлѣніями. Кругомъ совершается грандіозное дѣло, которое будетъ оцѣнено только впоследствии.

— Если до тѣхъ поръ мы его не зарѣжемъ, займемся болѣе объ иностранныхъ производствахъ.

— Я никогда не могъ думать, чтобы желѣзо въ Россіи выработывалось до такой крѣпости. Вы знаете, въ Людиновѣ мы дали англійскій напильникъ и я попробовалъ имъ мѣстное желѣзо.

— И что-жь?

— Напильникъ стерся, а желѣзо цѣло. Это изящество машинъ, эта масса ихъ, это богатство моделей и усовершенствованій, придуманныхъ на самомъ заводѣ, ошеломляетъ меня.

Въ Дядьковѣ вмѣстѣ со мной былъ французскій техникъ, самъ хозяинъ большаго хрустальнаго завода, Гюитьеръ. Онъ съ недоумѣніемъ останавливался передъ здѣшнимъ хрусталемъ и стекломъ.

— Вы знаете, у насъ кварцъ лучше. Но я не могу понять, какъ здѣсь умѣютъ выработывать такія превосходныя издѣлія! Съѣздивъ въ Ивотъ и Стеклянную Рядицу, онъ высказался еще опредѣленнѣе.

— Здѣсь учить нечему. Здѣсь нужно учиться.

Старые заводы, облупившіяся стѣны; нигдѣ нѣтъ дворцовъ промышленности, поражающихъ васъ своею роскошью и колоссальностью затратъ. Только одно крайне необходимое. И еще болѣе, что подбуждаетъ васъ здѣсь, вы видите, что тутъ думаютъ о народѣ, заботятся о немъ.

— Отчего вы не закроете такое-то производство, вѣдь спроса нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Невыгодно значить?

— А буда я дѣну три тысячи людей, которые выросли на этомъ, которые сжились съ этимъ?

Все это создано въ нятдесять лѣтъ одной жизни. Какая энергія и предприимчивость! Невольно удивляешься такой безпримѣрной у насъ дѣятельности. И совершалась-то она совсѣмъ не при легкихъ условіяхъ. История телеграфа повторялась во всемъ. Бездѣ тормозили дѣло всѣми средствами, находившимися въ распоряженіи у власти. На Мальцова смотрѣли то какъ на социалиста, то какъ на фантазера, то какъ на самодура. И всего кошачья, зачастую смѣшивали вмѣстѣ всѣ эти три эпитета. Ему не вѣрили. У него были и есть сильные враги—вся эта партія шаркуновъ и низкопоклонниковъ, всѣ эти титулованные дармоеды, для которыхъ совсѣмъ непонятно самоотверженіе человѣка, уходящаго въ далекую деревню, въ народъ, работающаго съ нимъ, въ то самое время, когда онъ могъ бы бросить свои милліоны на хамство, развратъ, оргіи, на безумныя затѣи до мозга костей развратившихся прохвостовъ. Разумѣется, у него есть свои недостатки,—не ошибается только тотъ, кто не работаетъ,—но не на нихъ опираются ливрейные халуи, мнящіе себя антагонистами этого дѣла. Совсѣмъ не на нихъ. Чего я не наслушался ранѣе своей поѣздки сюда!...

— Вы увидите тамъ цѣлый гаремъ.

И вмѣсто гарема оказалась простая, почти монастырская жизнь, суровый трудъ съ утра до ночи, ненависть къ роскоши.

— Помилуйте, это эксплуататоръ!—причали другіе.

Оказывается, эксплуататоръ въ голодные тоды кормить народъ, платить за него подати, поддерживать невыгодныя производства, чтобы людямъ было чѣмъ кормиться, схватывается за всякое новое дѣло ради прогресса производительности, зная, что оно не принесетъ ему никакой выгоды. Личный свой доходъ отдаетъ тому же дѣлу, живетъ его жизнью, и до такой степени

вошелъ въ его интересы, что иныхъ и не понимаетъ. Этотъ эксплуататоръ билитъ сердцемъ за Россію. Это какая-то лабораторія идей и проектовъ, никогда не прекращающая своей дѣятельности, — паровикъ, пятьдесятъ лѣтъ находящійся въ состояніи кипѣнія, — человѣкъ, бросившій придворную карьеру, блескъ, спойство, и все ради того, чтобы поднять благосостояніе такъ или иначе доставшагося ему уголка. Въ немъ много кажется страннымъ, многое необъяснимымъ, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе; но это — не самодурство, на которое ссылаются эти господа, а просто человѣку всегда тратиться на всевозможныя мотивировки и экспликации.

— Или говорить, или дѣло дѣлать — одно изъ двухъ.

И съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ постараемся дать характеристику этой личности, теперь же позволю себѣ сказать, что во время долгихъ своихъ странствій по Россіи я видѣлъ только еще одного такого же организатора, хотя тотъ стоялъ на противоположномъ полюсѣ, принадлежалъ къ совсѣмъ иному миру.

Я говорю объ отцѣ Дамаскинѣ, нынѣ уже успокоившемся подъ тѣнистыми кедрами Валаама.

Отецъ Дамаскинъ создалъ громадный Валаамъ, Мальцовъ создалъ эту Америку въ Россіи.

Но первый работалъ на святыхъ отецъ нашихъ Германа и Сергія, а второй — на народъ. Первый все средства считалъ годными и вполне освященными тою цѣлю, къ которой они способствовали. Первый преклонялся передъ наукою и образованіемъ, но самъ былъ невѣжественъ; второй получалъ солидное воспитаніе и научился всему настолько, что ему даже европейскіе ученые отдавали полную справедливость. Первый былъ только хозяиномъ, второй является и гуманистомъ. Оба не знали пренятствій на своемъ пути и ломали ихъ, оба были чужды сентиментальности и заигрыванія съ общественнымъ мнѣніемъ; но когда первый, какъ монахъ, молчалъ передъ властію или хитрилъ съ нею, второй договорился и дообличался до полицейскаго надзора, существовавшаго надъ нимъ въ теченіе долгаго времени.

Что такое другіе наши заводскіе районы? — Разсадники нищеты и центры пьянства и разврата прежде всего.

Пріѣзжайте сюда, вы не встрѣтите ни одного нищаго, а пьяные развѣ-развѣ въ Людиновѣ повадуются вамъ, да и то рѣдко. Тутъ есть семья, извѣстная строгостью нравовъ, народъ грамотенъ

энергиченъ. Это не вырождающееся поколѣніе, какимъ является населеніе окрестностей, это—люди сильные и сытые. И все это создано своими средствами, безъ обращенія къ иноземцамъ. Тутъ ихъ не приглашали учить и владѣть.

Утѣшительный этотъ—оазисъ, въ которомъ бы не мѣшало поучиться ку-разуму многимъ. Приѣзжайте сюда и провѣрьте мои впечатлѣнія. Я могу ошибаться, и очень часто, въ мелочахъ и деталяхъ, вѣобще вѣрно.

Надѣюсь, читатели не поѣдутъ на меня за это отступленіе.

Передъ нами еще цѣлый рядъ дядьковскихъ шлифовальнь и шлифовальные магазины, не осмотрѣвъ которыхъ тамъ нельзя вырваться отсюда... Вместе съ управляющимъ гудою я вошелъ въ первую шлифовальню.

На минуту я былъ оглушенъ.

Визгъ мѣдныхъ и стальныхъ пилъ, звукъ стекла, журчаніе воды, льющейся точно изъ тысячи источниковъ, грохотъ какихъ-то валезъ, пыхтѣніе машинъ и шорохъ неустанно работающих стальныхъ приводовъ вверху. Въ воздухѣ стоитъ какая-то пыль; длинные ряды сидящихъ у станковъ рабочихъ пропадають гдѣ-то далеко, далеко. Надъ самымъ ухомъ звенитъ хрусталь, точно выстуется на острую сталь, въѣдающуюся въ его прозрачную массу. Голосовъ не слышно. Къ механическимъ зубамъ не прибивается ни смѣха, ни пѣсень. Люди кажутся неподвижными, какъ и самые табуреты, на которыхъ сидятъ они. Безмолвіе на короткихъ порахъ производитъ даже странное нѣсколько впечатлѣніе послѣ шума и говора гуды. Около меня за маленькимъ станкомъ сгорбился старикъ въ очкахъ и, подставляя подъ зубчатое стальное колесо только-что доставленный стаканъ, выводитъ на немъ узоры. Хрусталь скрипитъ и стонетъ, колесо живо проедаетъ на немъ матовыя полосы, въ то время какъ сверху падаетъ на него вода, облегчающая работу колеса.

— Плачетъ, больно ему! — добродушно повернулся къ намъ рабочій, откладывая въ сторону готовое уже стекло. — Ступай тихай, да вымойся!

— Кому больно?

— А стакану. Ишь какъ пила въ него въѣлась!

Взявъ другой стаканъ и опять сжалъ губы. Опять нельзя сказать слова, потому что вниманіе при этомъ дѣлѣ требуется еще напряженное. Чуть зазѣвался, узоръ не вышелъ и ста-

кань—въ домъ тогда. Такихъ, какъ этотъ старикъ, цѣлые ряды сидятъ. Все серьезные мастера; они и рабочими себя не считаютъ.

— Мы артисты!—поясняетъ одинъ.—Наше дѣло—рисунокъ, тутъ вкусъ нуженъ. Это—не ремесло.

— А что же?—переспросилъ я, изумленный способомъ выражения его.

— Искусство! Мы это по образцамъ дѣлаемъ пока, а мнѣ случалось и по своей фантази. Знаете, такъ, какъ найдетъ...

— И выходитъ что-нибудь?

— Какже! Я и птичку могу на стаканѣ. Крылья распустила и летитъ, а подъ ней цвѣточекъ распустился, и бабочка на цвѣточекъ съ лету держится... Какже не искусство, помилуйте! Мы природѣ подражаемъ. Возьмите теперь хоть бы пальмовый листъ. Отродясь я его не видалъ, а на стеклѣ дѣлаю. Лавры тоже. Либо собаку: лапу подняла и стоитъ. «Пиль» ждетъ!

Но эта работа исключительная. Обыкновенно дѣлаютъ по образцамъ сотнями. Есть узоры любимые, предпочтительно цѣнимые покупателями, на которые «они идутъ» точно рыба на наживку. Между «артистами» этого рода есть очень молодые, даже мальчишки. Тутъ нужна вѣрность глаза и нѣкоторое прирожденное изящество. Уже готовые стаканы идутъ бабамъ, которыя ихъ моютъ, вытираютъ и укладываютъ для отсылки въ складочные магазины. Бабы, поддаваясь общему настроенію, тоже молча исполняютъ свою работу.

— Что же вы зарабатываете въ день?—обратился я къ старику въ очкахъ.

— Разно. Мы задѣльно получаемъ. Когда семьдесятъ пять копѣекъ, когда рубль. Стаканъ стакану рознь. За одинъ копѣйка идетъ, а за другой и всѣ пять.

Есть зарабатывающіе въ мѣсяцъ по 25—30 рублей, если дѣло идетъ безъ прогуловъ; новички или манкирующіе своими обязанностями—по 18; «артисты», хорошо знающіе свое дѣло и навѣкишіе, получаютъ и всѣ 35 или 40 рублей. Это уже нѣкоторымъ образомъ аристократія заводскаго труда. Тутъ они въ сѣрыхъ армякахъ щеголяютъ, а въ праздникъ непременно въ черномъ сюртукѣ, какомъ-нибудь невозможно-яркомъ галстукѣ съ отчаянными разводами и непременно въ яркихъ резиновыхъ галошахъ, хотя бы на небѣ не было ни облачка, а земля оказывалась сухою какъ камень. Лучшие изъ «артистовъ»,—оставляю за ними это претенціозное названіе,—получаютъ работу, требующую

большаго вниманія и осторожности, изъ дорого стоящаго материала. Церковныя, напиримѣрь, хрустальныя свѣчи, состоящія изъ нѣсколькихъ слоевъ разноцвѣтныхъ, наложенныхъ цилиндрами одинъ на другой, оплачиваются особо. Тутъ нужно шлифовальщице камнями и пилами снимать одинъ слой по одному рисунку, другой по другому и самое дѣло требуетъ большаго навыка, потому вещь дорогая, а на одну линію промахнешься и все испорчено. За такую свѣчей «артистъ» просидитъ двое сутокъ и получитъ три рубля. Тутъ заработокъ доходитъ иногда до 45 рублей въ мѣсяцъ.

— Эта работа трудная! — поясняетъ шлифовальщикъ съ сѣвою какъ лунь бородой и совсѣмъ босымъ черепомъ. — На ней сильно налягнуть надо. Хрусталь — толстый, разомъ-то не поддается. Ты еще попотѣй надъ нимъ, тогда онъ тебя послушаетъ. И плачется же подъ инструментомъ, — такъ плачется, такъ плачется, точно живой!

Паровая машина, приводящая въ движеніе всѣ эти станки, валы, ремни, желоба, всю эту воду, льющуюся сверху, пытитъ все громче и громче, инструменты визжатъ все пронзительнѣе и пронзительнѣе, ремни вверху точно предупреждаютъ злобѣшимъ шорохомъ своимъ неосторожныхъ путниковъ не идти далѣе; по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ къ шлифовальнѣ, гдѣ работаютъ колеса изъ камней твердой породы. Тутъ стекло оретъ во-всю. Камни эти, быстро вращаемые ремнями, стираютъ съ него цѣлыя полосы, дѣлаютъ грани. Потомъ, чтобъ эти грани не оставались матовыми, съ ними тоже возня не малая: нужно ихъ сгладить и отполировать ручною деревянною линейкой. При каждомъ мастерѣ баба. Мастеръ передаетъ ей готовые стаканы или другую какую-нибудь вещь. Баба чиститъ ее, маляруетъ, полируетъ, вообще — отдѣлываетъ. Каждый мастеръ является съ своею работницей и уже платитъ ей онъ. Въ то время, какъ мастеръ-шлифовальщикъ въ этомъ отдѣленіи получаетъ въ день 90 коп. и въ мѣсяцъ можетъ заработать отъ 20 до 26 руб. его адъютантка получить отъ 4 до 9 рублей въ мѣсяцъ. Плата эта для женщины не считается здѣсь особенно низкою, тѣмъ болѣе, что женатыя мастера являются сюда съ своими женами.

— У насъ здѣсь поэтому какъ въ Ноевомъ ковчегѣ! — замѣчаетъ, улыбаясь, одинъ артистъ.

— То-есть?

— А все парами. Такъ парами приходимъ, парами и уходимъ.

Между шлифовальницами есть очень красивые типы. Раскормленные, сильные женщины совсем не походят на тѣхъ выродившихся, истощенныхъ и чахлахъ бабъ съ мясниннымъ брюхомъ и выраженіемъ какой-то тупой поборности въ лицѣ, которыхъ приходилось встрѣчать въ деревняхъ Смоленской и Калужской губерній, гдѣ голодовки и безработица истощили население до послѣдней возможности.

Вонъ, заиримѣрь, прехорошенькая дѣвушка съ глубокими голубыми глазами и цѣлою массой темныхъ волосъ на головѣ. Она сидитъ за станкомъ и держитъ стаканъ подъ пилой. Она тоже работаетъ съ мастеромъ суровымъ и несообщительнымъ, помѣщающимся тутъ же. Дѣлаютъ одну и ту же работу оба.

— Что же, они по-ровну дѣлаются?

— Какъ возможно!... Онъ беретъ себѣ двадцать, а ей пять рублей въ мѣсяцъ.

— Почему же такъ?

— Она не можетъ ни колеса поставить, ни узора вырѣзать безъ него.

Полируютъ, выходящія изъ-подъ стага шаршавыми, грани деревянными колесами, приводимыми въ движеніе тою же паровой машиной и тѣми же ремнями ли приводами. Тутъ уже исключительно работаютъ бабы. Ни особаго умѣнья, ни силы для этого не надо. Изъ-подъ деревяннаго колеса грань выходитъ чистою и прозрачною. Дно у стагановъ шлифуется особо. За этимъ дѣломъ работаютъ пять мастеровъ и пятнадцать бабъ.

Еще одинъ этажъ, гдѣ почти исключительно работаютъ женщины.

— Тутъ все дѣвицы... При нихъ малость мастеровъ.

Дѣвицы весьма неказистыя, — настолько неказистыя, что роль прекраснаго Юсифа съ ними вовсе не представляется особенно затруднительною.

— Я думаю, строгость нравовъ здѣсь, какъ и на всѣхъ фабрикахъ, не особенная.

— Ну, это какъ... Эти себя соблюдаютъ. Онѣ, знаете, имѣютъ своихъ душевекъ, потомъ и замужъ за нихъ выходятъ, а такъ, чтобы въ родѣ размыной монеты во всѣ руки, — не случается. Наша баба съ умомъ. Она шалить — шалить... Играется, — отчего ей не поиграть? — а только съ оглядкой. Тоже и родители у насъ не какъ у другихъ.

— А что?

— Брѣвно въ рукахъ держутъ. Много воли не даютъ.

— Ну, вотъ, наиримѣрь, мастера, которые съ женщинами работаютъ, неужто только однѣми встрѣчами здѣсь ограничиваются?

— Мастеру дать себѣ волю никакъ невозможно. Потому наша баба привязчивая, она его сейчасъ въ руки заберетъ и ничего ты съ нею, съ нашей бабой, не подѣлаешь. П женить на себѣ!... А впрочемъ мы въ ихнія дѣла не входимъ. Мы только здѣсь надзираемъ, а что послѣ работы, намъ дѣла нѣтъ.

— Еще бы!...

— Теперь пожалуйста въ намъ въ матовню.

Матовней оказалось отдѣленіе, гдѣ наводятъ на хрусталь матъ. Грохотъ здѣсь страшный; онъ просто глушитъ; не слышишь себя; видишь только, какъ онъ разѣваетъ ротъ. Какія-то невидимыя колеса грохочутъ, что-то визжитъ у самаго уха, гдѣ-то грохочутъ какіе-то рычаги. Голова идетъ кругомъ.

Матовня — ящикъ. Туда бросаютъ нѣтуховъ, мальчиковъ съ связанными для молитвы руками и подогнутыми колѣнями, барановъ, амуровъ, голубей, сидящихъ на яйцахъ, и таковыхъ же безъ яицъ, саркофаги, внутри которыхъ должно попопться не тѣло какого-нибудь знаменитаго иностранца, а сливочное масло. Всѣ эти произведенія искусства поступаютъ въ матовню прозрачными какъ стекло, а выходятъ оттуда матовыми. Сильная струя песку бьютъ въ ящикъ со всѣхъ сторонъ, при помощи паровой машины, съ такимъ визгомъ и грохотомъ, что свѣтлые амурь, чистота которыхъ видна насквозь самому непроницательному человеку, отъ ужаса покрываются матомъ. Молящіеся мальчики, бараны и нѣтухи тоже теряютъ свою дѣвственную прозрачность. Если надо навести матъ на одну какую-нибудь полосу или одно мѣсто, то вещь вставляется въ желѣзный футляръ, оставляя это мѣсто открытымъ. Есть матовня, куда вставляютъ приговореннаго къ избіенію нескромъ младенца. Пова крышка открыта, младенецъ невредимъ; но какъ только крышка опускается, механизмъ, вмѣстѣ съ движеніемъ ея петель, начинаетъ дѣйствовать и сильная струя песку бьетъ вверхъ такъ, что самая незапятнанная сорѣсть не выдержала бы и потеряла бы подъ нею немедленно свой блескъ и чистоту.

Отдѣльный корпусъ занятъ работами «на кругахъ», подтачивающихъ дна и края стакановъ. Тутъ работаютъ уже женщины. Имъ достается рублей по семи или восьми въ мѣсяцъ.

Всѣхъ ихъ въ этомъ отдѣленіи девяносто пять. Имъ полагается десять мастеровъ мужчинъ.

Осмотрѣвъ гуту и шифовальни, мы, наконецъ, выбрались на воздухъ.

Позади гремѣли станки, визжали колеса, слышался шумъ паровой машины, за то передъ нами была тишина яркаго дня. Весна, вступила въ свои права, снѣгъ уже стаялъ съ солнцепевовъ, раннія птицы возились въ вѣтвяхъ березъ, на которыхъ уже показались красныя, словно назившіяся кровью, почки. Бодриши въ тепломъ вѣяло съ юга. Направо на холмѣ бѣлая церковь была сплошь облита солнечными лучами. Гдѣ-то далеко, далеко пѣли ибтухи, эти неустанные фальцеты русской деревни. Въ сторонѣ глухо надала вода изъ-подъ колесъ какого-то завода надъ прудомъ. Чистое небо разстлалось надъ нами, напоминая свою синевой близкую отсюда Малороссею.

— Однако успокоиваться на лаврахъ нечего!

— А что?

— Да вѣдь мы еще стекляннаго магазина не видѣли.

— Пойдемте.

Магазинъ тутъ же не далеко. Онъ занимаетъ большой двухъ-этажный домъ изъ краснаго кирпича. Выше кладовая, гдѣ работаютъ дѣвочки, завертывающія посуду въ солому. Принимаетъ ее у нихъ взрослый рабочий, укладывающій въ бочки для отправки все стекло, выработанное здѣсь. Этихъ бочекъ было безъ числа. Онъ загромождалъ всю кладовую. Маленькія работницы дѣлали свое дѣло съ удивительно-серьезнымъ видомъ, хотя плутовскіе яркіе глаза то и дѣло забѣгали за окна, гдѣ свѣтило солнце и таялъ послѣдній снѣгъ.

— Что онѣ получаютъ?

— О, имъ платять недурно. Отъ трехъ до пяти рублей могутъ добыть въ мѣсяцъ. Онѣ у насъ совсѣмъ самостоятельны.

Для дѣтей это самая подходящая работа, не утомительная, не сложная; во духа и простора здѣсь вдоволь и видъ поэтому у нихъ очень здоровый. Я вспомнилъ встрѣченныхъ на другихъ заводахъ подростковъ, изголодавшихъ, плохо-одѣтыхъ, босыхъ. Какое же сравненіе съ этими!

На большихъ столахъ посуда ревизовалась. Малѣйшая царапина или пузырькъ въ стеклѣ—и вещь шла въ бракъ, который, смотря по тому, каковъ онъ, или идетъ опять въ дойницы стекловаренныхъ печей, или сбывается за безцѣнокъ. Бракъ этотъ

не бытъ опредѣленъ только опытнымъ осмотромъ спеціалиста. Мы смотрѣли внимательно и ничего найти не могли. На верху кѣсь изящныя вещи и дорогія. Бывшій со мною французъ, технологъ Гюитьеръ, пришелъ въ восторгъ отъ нихъ и не хотѣлъ брать, что нѣкоторыя сдѣланы въ Россіи.

— Какая чистота хрустали, какое изящество! — повторялъ онъ.

Старикъ Хабаровъ, управитель гуты, чуть не росъ на моихъ словахъ отъ этихъ похвалъ, когда я ему переводилъ ихъ.

Тутъ гостати будетъ привести въ заключеніе нѣсколько цифръ: въ Дядьковской хрустальной гутѣ работаетъ постоянно 1.438 человекъ, временно «вспомогательныхъ» приходитъ 1.500 ч. Первые съ нихъ получаютъ въ годъ 162.778 руб., выработывая сырья матеріаловъ 165.187 нуд., на 119.798 руб., изъ которыхъ производятъ издѣлій 8.252.275 штукъ, на 600.000 р. При этомъ требуется дровъ около 5.000 квадр. саж., на 32.500 руб.

VI. Поѣздка въ Ивотъ.

Въ 13-ти верстахъ отъ Дядькова стоитъ деревня Ивотъ съ большой фабрикой оконныхъ стеколъ, на которой работаетъ 430 постоянныхъ и болѣе шестисотъ временныхъ рабочихъ. Администрация Мальцовскаго товарищества уплачиваетъ имъ ежегодно 250.000 руб., причемъ общій оборотъ фабрики опредѣляется въ 250.000 руб. Въ Ивотъ ведетъ прекрасно содержимое шоссе. Мы выехали туда, когда первая зелень ужь поднялась въ поляхъ, почки деревьевъ раскрылись и нѣжная молодая листва еще только раскрывалась въ весеннемъ тепломъ воздухѣ. Зяблики и щеглы выжили въ вѣтвяхъ. Ранній соловей запѣлъ было, но разомъ оборвался, — еще не было сумрака и тѣни для этого застѣичиваго пѣвца. За то невѣдомо изъ какихъ деревень, вѣрно прятаясь въ лѣсу или притаившихся въ лощинѣ, весь путь насъ преслѣдовало нехальное оранье пѣтуховъ, по-своему праздновавшихъ тепло и свѣтъ запоздавшей на этотъ разъ весны.

— Какъ хорошо! — невольно повторяли мы, прислушиваясь къ легкому, дѣтскому лепету нѣжной листвы, къ печальнымъ прошептываніямъ и волги и роботу ключей, упрямо державшихся подальше отъ солнца, въ лѣсной глуши и тѣни. Вотъ подъ темной стѣлой сосноваго стараго бора съ корявыми, словно на что-то измучившимися, стволами и далеко вверхъ раскидывавши-

ниса верхушками свернули споловины воды какого-то озера, тихия, сонныя. Базаюсь, онъ боялись дрогнуть, чтобы не возмутить отразившаго въ ихъ глубинѣ голубаго, чистаго неба. Только изрѣдка, когда плавовликая рыба, подвинувшись поближе къ свѣту, схватывала мошку и, плеснувъ хвостомъ, уходила внизъ, по этому зеркалу бѣжали морщинки, серебрись на солнцѣ. И оранье пѣтуховъ, и грохотъ нашего экипажа по твердому грунту шоссе, и топотъ копытъ застоявшихся наванути лошадей — некрывалъ изрѣдка праздничный гулъ колоколовъ невидимыхъ церквей. Густые, тягучіе звуки благовѣста разносились среди этого покойнаго царства лѣснаго, точно распыляясь между его молчаливыми великанами. Вотъ вдали блеснулъ рядъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ довольно красиваго и чистаго села.

Съ нами былъ С. И. Мальцовъ. Каждый разъ онъ въ поездки беретъ мѣшки съ пряниками, обдѣлая ими дѣтей, со всѣхъ сторонъ сбѣгающихъ къ нему на встрѣчу съ криками: «дѣдушка, ура!» Мальцовъ буда-то вышелъ изъ экипажа, дѣтвора сбѣжалась и остановилась въ ожиданіи его.

— Эхъ, вы, ребятечки, ребятечки! — заговорилъ съ ними гучеръ, который никакъ не можетъ опредѣлить, кого онъ любитъ больше — ребятъ или коней.

Дѣти сейчасъ запустили ланы въ ротъ и подошли поближе.

— А что, дѣдушка сегодня на ура много выдалъ?

— Много.

— Пряниковъ, значить, у него много запасено?

— Да, цѣлый мѣшокъ. Ишь, конь, въ экипажѣ мѣшокъ стоитъ.

Мальчиши, косясь на меня и на бывшего съ нами барона Рейхеля, заглядываютъ внутрь.

— Васька, гди, мѣшокъ-отъ! Иишь!

— Онъ самый. Ишь, какой!

— Вѣла-ай!

— А что, Васька, сколько въ емъ, въ мѣшкѣ этомъ самомъ, будетъ?

— Поди, двадцать.

— Эхъ, ты! Я такъ думаю, ста три, а?

— Можеть и ста три, — безпрекословно согласился Васька.

— А можно ли съѣсть ста три?

— Я бы съѣлъ.

— Ловкай! Такъ бы тебѣ и дали одному.

— Отного, ежели бы давомъ были?

— Отвѣдь это? —

— А мамга бы нашла. Сейчас бы я съ ними въ лѣсъ и пошла.

— Одинъ бы и поволокъ?

— Нѣтъ, я бы Бузьку да Семгу взялъ, чтобы сторожили.

— Сторожить бы зачѣмъ?

— А вы бы у меня отняли. Я васъ знаю, какіе вы.

— А вотъ бы и не отняли.

— Анъ, отняли. А Семга бы васъ за волосы.

— Мы тебя сами...

Неизвестно, къ чему бы привели эти дипломатическіе переговоры, еслибы вдали не показался Мальцовъ.

— Дѣдушга, ура! Сергѣй Ивановичъ, ура! — подпрыгнули они ему подъ ноги.

— Ура, дѣдушга!

— Ура! — бѣжалъ со всѣхъ ногъ сзади, залмурясь и разставляя толстыя ручки, какой-то бутузъ, очевидно безъ всякой вѣры въ возможность получения прииска, а табу, для исполненія необходимаго, по его мнѣнію, обряда.

Бабы — тѣ пуще дѣтей на приики бросаются, опретью, стучась. Распраскѣются ярче кумача. Кажется, вотъ-вотъ изъ воласа сейчасъ.

— Вы-то чего, вѣдь большія! — унимаютъ ихъ.

— Ишь ты... большія... Сладкаго-то и намъ хоща!.. Большія! У меня вонъ ребятейки дома, — я имъ снесу.

— Вретъ Матреха, сама съѣсть! — обличаютъ ее другія.

— И сама съѣмъ!... Все одно.

По обѣ стороны лѣсъ пошелъ удивительный. Кажется, у семныхъ заводовъ ѣдемъ, а лѣса цѣлы. Какъ это ухитрились здѣсь сохранить ихъ! Именно тутъ-то, въ краѣ, гдѣ горячка лѣсоисребленія и до сихъ поръ еще продолжается съ такимъ ожесточеніемъ, съ какимъ едва ли вѣрные католики уничтожали туторовъ въ Варшавской ночи. Варшавская ночь русскаго лѣса, кажется, дотянется до тѣхъ поръ, пока уже нечего будетъ рубить. Знаменитыя около Брыни брынскіе лѣса известны совѣмъ. На мѣстѣ ихъ пустыри да чахла, жалкія нивы стоятъ. Тѣмъ болѣе чести этому краю, счумѣвшему вести свое заводское дѣло такъ, что всѣ эти зеленныя пустыни и до сихъ поръ манятъ васъ въ свою свѣжую тлущь.

— Прежде у меня было тутъ 10.000 мачтовыхъ деревьевъ. Сокровище! Шанка валилась, когда бывало смотришь на нихъ, — говоритъ Мальцовъ.

— Буда те они дѣлись?

— Долго я держался, — думалъ, что для черноморскаго флота понадобятся. Штиглицъ прѣзжалъ, милліоны давалъ за нихъ, — не отдалъ. Хотѣлъ Россіи послужить, а тутъ, послѣ Севастопольской кампаніи, флоту конецъ пришелъ. Что было дѣлать? Портились ужъ стали наконецъ, внизу загнивали, я и срубилъ ихъ.

— Сколько лѣтъ эти заводы стоятъ у васъ?

— Стекланные сто лѣтъ.

— Какъ же удалось вамъ лѣса сберечь?

— Очень просто: мы рубили съ толкомъ. Пока одно рубили, другое выростало. И на сторонѣ покупали топливо для заводовъ, чтобы своего не тратить.

Вообще, во всемъ и вездѣ видна опытная и твердая хозяйская рука. Несмотря на то, что къ Ивоту и дальше строится желѣзная дорога, шоссе продолжаютъ поддерживать гравіемъ или фосфатомъ. Проѣзжавшіе здѣсь въ распутицу весною не нахвалятся дорогой. Интересно, въ какомъ бы видѣ была она въ базенномъ управленіи... Во всемъ и вездѣ видны оригинальныя усовершенствованія. Телѣга встрѣтите: присмотритесь къ ней и — замѣтите, что колеса ея особаго устройства. Деготь заливается разъ въ недѣлю и снять ихъ нельзя, такъ какъ они сдѣланы нераздѣльно отъ своихъ осей.

— У насъ все такъ! — гудитъ басъ рабочаго Слюосарева, взятаго вмѣстѣ съ нами въ Ивотъ.

— Что все?

— У насъ все по-особому, по-своему. Сколько мы это дѣйствовали...

Точно изъ пустой бочки несутся звуки изъ этого замѣчательнаго горла. Слюосаревъ не только рабочий, онъ и пѣвчій — первая звѣнная октава. Слюосаревъ гордится этимъ гораздо больше, чѣмъ какой-нибудь сень-домингскій генералъ своимъ ивтушнымъ мундиромъ.

— У меня голосъ былъ прежде, — баситъ онъ. — Самъ архіерей удивлялся. Этакое, говоритъ, баса — невозможно.

— У твоего сына, говорятъ, хорошій голосъ.

— Да... Ну, да что!... У нынѣшнихъ какіе голоса. У нихъ это такъ, баловство одно.

— Однако, это... (шепот)

— Ну-ка, пусть онъ «и всемогущу» возьметъ. Нужно какъ, чтобы стекло какое омоло — въ дребезги. А нынѣшніе этого не могутъ. Помилуйте, и архіерей говорить: «у тебя, Слюосаревъ, невозможно».

Опять лѣсъ, опять молчаніе. Точно эти безмолвныя сосны вытѣряютъ на душу какое-то особенное благоговѣніе. Словно между колоннами церкви стоишь среди этихъ деревьевъ.

— Скоту плохо! — слышится въ сторонѣ басъ Слюосарева, выводящий васъ изъ «храма» прямо въ будничную обстановку.

— А что? — спрашиваетъ Мальцовъ.

— Очень плохо... и даже совсѣмъ невозможно.

— Да, знаю, знаю. Громадный запасъ былъ, а весь вышелъ. Вышли крестьянамъ, — теперь сами остались на бобахъ. Позднее весна.

— Ржавую солому, которая...

— Ну?

— Опаришь кипяткомъ — ѣсть... Скоту-то ѣсть даютъ... Значу тоже.

Жмачка — это выжимки изъ конопля во время выдѣлки масла.

— Жмачку въ голодные годы и люди ѣли.

— Хорошо! — баситъ рабочій.

— Что хорошо?

— Очинно даже прекрасно... жмачка эта самая... Въ сошномъ году мы ее съ мукой мѣшали... Рубль цѣна тогда хлѣбу

— Нынче хуже, — до рубля семидесяти доѣхало.

— Да, это точно... Произволіе.

Иса прошли немного въ сторону. Вонъ громадный Ивотскій заводъ, закопченный, весь въ балочныхъ переборахъ. Внутри ряды сварочныхъ печей, въ устьяхъ свѣтится стеклянный кисель. Снизу слышится трескъ дровъ. Въ гутѣ никого нѣтъ. Сегодня праздникъ и народъ весь отдыхаетъ. Газъ, проведенный отъ сварочныхъ печей снизу въ сварочныя печи, горитъ въ нихъ бѣлымъ свѣтомъ. Полъ весь усыпанъ осколками стекла. Вонъ какой-то парень босикомъ бѣжитъ черезъ пустую гуту. Бабую кожу нужно натянуть на ногахъ, чтобы выдержать это!

— Что это онъ, босикомъ?

— Это не нашъ... Пришелъ работы просить, — ну, мы его и пускай кормится.

Стекло, устлавшее полъ, приближиваесть отъ скудныхъ солнечныхъ лучей, едва-едва проникающихъ сюда сквозъ бални кровли. Въ ихъ сумракѣ затѣяли возню воробьи.

— Ишь, подлые! — злятся на нихъ Слюссаревъ.

— А тебѣ что?

— Помигуйте, — гудить онъ, — безпорядки!

Ивотская фабрика оконныхъ стеколъ основана, семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, въ Чернятенской дачѣ, на рѣчкѣ Ивотѣ. Въ теченіе этого времени дѣло здѣсь такъ расширилось, что, напримѣръ, еще въ 1865 году здѣсь работало только 80 человекъ, а теперь ихъ всѣхъ, считая съ вспомогательными рабочими, около тысячи. Каждый изъ мастеровъ въ теченіе двѣнадцати часовъ работы выдуваетъ изъ жидкаго стекла до 100 цилиндровъ или, какъ здѣсь говорятъ, холявъ. Эти цилиндры помѣщаются въ печь для прокаливанія. Прокаливъ, цилиндръ разрѣзаютъ и переносятъ въ распускную печь, въ которой отъ нагреванія онъ развертывается и обращается въ листъ. Потомъ его для постепеннаго охлажденія переводятъ въ другія печи.

Не успѣли мы еще пройти гуту, какъ со всѣхъ сторонъ обѣжался народъ.

Началась своеобразная бесѣда.

— Хлѣба мало... Совсѣмъ извелись... Ни сажимъ, ни сеюту.

— Это, братцы, ужь сдѣлано. Хлѣбъ вамъ выдадутъ. Да какъ это можно, чтобъ у своихъ хлѣба не было!

— Это не свои, — вмѣшался управляющій.

— А какіе же?

— Со всѣхъ сторонъ народъ валомъ валить. Бездѣ закрываются фабрики или уменьшается производство.

— Да какъ же я за чужіе грѣхи долженъ платиться? У меня своихъ рабочихъ сто тысячъ, а тоже дѣло плохо, нѣтъ заказовъ. Нужно уменьшить и сократить дѣло. Что же съ вами-то мнѣ?

— Будьте благодѣтелемъ. Вамъ Господь...

— Да вѣдь, братцы, ну съ чужихъ фабрикъ еще тысячъ нѣсколько распусать и всё ко мнѣ придутъ? Тогда вѣдь у меня и для своихъ не хватить.

Началось моленіе о хлѣбѣ.

— Что тутъ дѣлать? Вижу самъ, нужда настоящая. Люди не милостыню, а работы просятъ.

— Дѣтокъ мало... Дѣтки не ѣмщи, — восклицаетъ чей-то голосъ.

— Ну, братцы, ладно! Какъ-нибудь до новаго хлѣба продержимся. Такъ я васъ не оставлю. Общая тягота. Другъ за друга, а Богъ за всѣхъ... Что дѣлать, ребята, чужіе отбиваютъ у насъ всѣ заработки!...

— Пока ты съ нами, — не померемъ!

— Ну, ладно, ладно.

Въ Ивотѣ прекрасная церковь. Она и во всѣхъ церквахъ единственная здѣсь изъ дядьковского хрусталя. Они чрезвычайно эффектны, а въ Ивотской церкви престолъ устроенъ изъ такого же стекла съ украшеніями, и рѣзба почти художественна. Въ Ивотѣ въ церковь, я зашелъ туда тоже. По селу не видать дѣланыхъ; въ церкви стоялъ народъ чисто одѣтый, не мало было и черныхъ, суконныхъ скуртуковъ. Заработки въ Ивотѣ нѣсколько больше, чѣмъ въ Дядьбовѣ. Чернорабочій получаетъ здѣсь до 15 руб. въ мѣсяцъ, а на хозяйскихъ харчахъ — 10; выдувальщикъ-мастеръ — отъ 25 до 40 р., смотря по тому, сколько стеновъ онъ съдѣлаетъ. Мастера такого рода, всѣ на своемъ содержаніи! Подрасткы зарабатываютъ отъ 3 до 5 руб. Поденная плата слугающимъ рабочимъ рассчитывается отъ 35 до 65 коп.; на своихъ харчахъ. Барщилы, разгибальщики, рѣзчики и прокатывальщики — отъ 20 до 25 р. Женщины (большая странность) зарабатываютъ здѣсь паровъ съ мужчинами — отъ 25 до 30 руб. Самый послѣдній разрядъ чернорабочихъ на конторскомъ содержаніи получаетъ каждый по 6 р. въ мѣсяцъ.

— Просто не знаемъ, что дѣлать съ рабочими; — задумывается управляющій.

— А что?

— Да видѣли сами, какая толпа привалила! Изъ Могилевской губерніи приходятъ: и тамъ работы остановились, заводы закрыты! И наши оскудѣли тоже за послѣднее время. Очень ужъ дѣлежи ихъ раззорили. Пока старики жили — и семьи держались. А теперь до чего дошло, можете себѣ представить: въ одной татѣ приходится служить четыре молебна, потому что четыре семьи здѣсь и каждая знать не хочетъ другую. Богъ знаетъ, до чего дошло! А тутъ еще хлѣба мало. Можно бы коней запрячь на работу, да отъ безкормицы они такъ ослабли, что по крайней мѣрѣ недѣли три пройдетъ прежде, чѣмъ они будутъ хоть-нибудь годны. Всѣ молодые побѣги ельника пообвѣли, кору

Конецъ стихъ и видѣлъ здѣсь: съ ногъ валятся; шерсть влочкини; гдѣ какъ войлокъ сбилась, гдѣ совсѣмъ со шкуры слѣзла; чуть-чуть переступаютъ нога за ногу. За то обстроено это село чудесно. Большія избы, между ними много каменныхъ домовъ, выстроенныхъ наиболѣе выдѣлившимися своею исправностію рабочими. Имъ хозяинъ подарилъ кирпичъ на стройку, а другимъ лѣсъ на избы. И какой лѣсъ пошелъ на это дѣло — крупный, цѣлый!... На улицахъ — бабы въ яркихъ костюмахъ и платочкахъ и парни, довольно прилично одѣтые. Встрѣчаются въ лаптяхъ и оборванные: это — пришлые, ищущіе куда бы пріютиться, гдѣ бы найдти работу.

— Что тутъ дѣлать?! — раздумываютъ здѣсь. — Вѣдь не милостыни просить, а навалило тысячъ сорокъ народу и одного только хотять — работы. А работы нѣтъ. Нужно что-нибудь придумать для нихъ.

— Ко мнѣ милости просимъ! — обратился къ намъ молодой священникъ интеллигентной наружности. — На новоселье.

Новенькій домикъ его совсѣмъ съ иголочки, уютный, красивый. Внутри сосной пахнетъ. Нигдѣ пылинки нѣтъ. Чистенькіе коврики, приличная мебель, шанино, гардины на окнахъ, довольно длинная лампа, какія-то книги въ углу, на столахъ шитыя шелковые салфетки. Выглянула-было молоденькая красавица-жена и скрыталась опять. Она была тоже въ здѣшнемъ мундирѣ-сарафанѣ, хотя изъ довольно дорогой матеріи.

— Вы ее простите. Она у меня степничка. Застѣнчивая еще.

Упросили ее выйдти. Совсѣмъ растерялась, покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ. Вошли двое большихъ гимназистовъ-классиковъ.

— Ваши родственники? — спрашиваю у священника.

— Нѣтъ. Это сыновья здѣшняго крестьянина, управляющаго тутъ.

Всѣ управляющіе заводами — изъ крестьянъ. Они выросли на глазахъ; другихъ сюда не берутъ вовсе. Дѣти ихъ уже учатся въ университетахъ и гимназіяхъ. Каждый изъ отцовъ здѣсь старается дать имъ какъ можно болѣе образованія. Дочери тоже учатся въ городахъ въ женскихъ гимназіяхъ или пансіонахъ, такъ что дѣтъ черезъ десять въ эту, пока еще темную, русскую Америку войдутъ массы свѣжаго, развитаго и умнаго молодого народа, который, разумѣется, съумѣетъ придать краю болѣе производительности и силы. Даже простые рабочіе — и тѣ охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы. Разумѣется, встрѣчаются

и другіе примѣры. Разъ является, напримѣръ, къ одному изъ управляющихъ мальчишка.

— Чего тебѣ?

— Въ школу хочу.

— Чудесно. Ну, ходи, — я скажу.

— А сколько вы мнѣ положите?

— Какъ это, сколько?

— Поденно, либо въ мѣсяць.

Управляющій расхохотался.

— Пожалуй, кормить тебя будемъ.

— Изъ-за харчей однихъ учиться не стану!

Съ тѣмъ и пошелъ себѣ обратно.

На другой день, когда начались работы въ гутѣ, я отправился туда. Пришлось попасть въ амбаръ; тамъ все было заставлено цилиндрами бемскаго стекла. Нѣкоторые были выше саженъ, встрѣчались и болѣе. При каждомъ нашемъ шагѣ эти цилиндры вздрагивали и звенѣли, точно по нимъ пробѣгалъ легкій вѣтеръ, будя какія-то необычайно пріятные звуки. Для развертки этихъ стеколъ тоже придумано особое приспособленіе. Громадная круглая печь, въ которой движется большой кругъ при помощи скрытаго механизма. Громадный цилиндръ бемскаго стекла, предварительно накалившійся, разрѣзываютъ и кладутъ плашмя на движущійся кругъ въ одно устье печи. Кругъ, вращаясь, медленно протыкаетъ его къ другому устью. Въ это время отъ жару цилиндръ развертывается и образуетъ листъ, но еще коробящійся, неровный. Тогда особеннымъ инструментовъ (мягкимъ брускомъ, пригнаннымъ къ длинной ручкѣ) мужикъ разглаживаетъ его въ печкѣ же. Изъ-подъ бруска сыплются красныя и золотыя искры; стекло шипитъ, точно злится на операцію, которой его подвергнуто. Когда оно окончательно распрямится, его или оставляютъ цѣлымъ, или разрѣзаютъ на части.

Бучи дѣтей путаются подъ ногами, есть и неработающіе, — благо въ гутѣ просторно и весело. Что воробьи наверху между балками врыши, то и они внизу. Замѣчательно красивыя бабы тутъ же около своихъ мужей, нѣкоторые даже съ грудными младенцами на рукахъ. Все это придаетъ гутѣ совсѣмъ особый отпечатокъ — чего-то семейнаго, ничего не имѣющаго общаго съ фабрикой и заводомъ.

— Что значитъ гута?

— Отъ нѣмецкаго Gut — стеклянный заводъ.

Такъ это и осталось. Такъ и крестьяне зовутъ свои фабрики. Когда мы возвращались назадъ, подь теплымъ дождемъ, шедшимъ наканунѣ, пышно распустившаяся зелень слегка колыхалась отъ теплаго южнаго вѣтра. Иволги пересвистывались въ дѣлать, задорно пѣли синицы. Дивные сосновые боры опять обступили насъ отовсюду, точно хотѣли захватить въ свое сплошное, тихое, заколдованное царство.

Вечеромъ смѣлье соловей пѣлъ свою задумчивую пѣсню; отъ-туда-то издалека доносился красивый и звучный женскій голосъ.

VII. Знеберь.

Знеберь—царство бутылокъ. Если вы спросите крестьянина откуда, чѣмъ онъ живетъ:

— Мы бутылкой живемъ!—отвѣтитъ онъ вамъ.—Намъ безъ бутылки помирать надо. Тутъ, другъ, во какъ... вся округа бутылкой питается.

И действительно, Знеберскій заводъ вырабатываетъ въ годъ до двухъ милліоновъ бутылокъ.

Тотъ же лѣсъ по обѣимъ сторонамъ: густой, красивый, вырощенный на волѣ безъ топора и безъ пилы. Старая дорога углубляется въ самую чащу, гдѣ слышится только меланхолическое посвистываніе иволги, да крики неугомонныхъ синицъ.

— Последнее время путь этотъ доживаетъ... И пора, ему на покой,—много послужилъ онъ.

— Развѣ будетъ другая дорога?

— Узкоколейную желѣзную строимъ. Нужно поднять производительность этой мѣстности, а то заграничная бутылка намъ вѣсть вытѣснять. Какъ удешивится путь, тогда мы поборемся.

На этотъ районъ удивительное вліяніе имѣли маленькія чугуны—первый примѣръ у частныхъ людей въ Россіи. Узкоколейная чугуны мѣстнаго типа обходятся отъ 7 до 9.000 р. за версту и требуютъ самыхъ ничтожныхъ цифръ на свою эксплоатацию.

Въ Знеберь такая же дорога окончится къ зимѣ. Она тоже пройдетъ этимъ тѣнистымъ, этимъ свѣжимъ и крѣпкимъ лѣсомъ.

Черезъ два или три часа вдали мелькнули старыя постройки. Прямые гута, очевидно давно не видавшая ремонта, вырѣзались на свѣтломъ фонѣ яснаго неба всеми своими горбами и извилистыми кровлями. Дѣтвора сбѣжалась кругомъ намъ на

встрѣчу и сплошную стѣной стала, тараща глаза на давно невиданныхъ посетителей. Внутри гуты прохладный сумракъ, точно въ подземелье вошли какое-то. Подъ ногами хрустятъ обломки стекла. Бучи зола по сторонамъ. Цѣлыя стаи воробьевъ развилась кругомъ. Длинная печь безъ дойницы, точно открытый гробомъ древній саркофагъ, по срединѣ; въ одинъ общій режиссуръ ея, когда мы входили, сыпали обломки старыхъ бутылокъ. Шумъ стекла на минуту покрылъ и дѣтскіе крики, и громкое, визгальное ораше воробьевъ, и говоръ толпы рабочихъ, стоявшихъ въ сторонѣ. Разгорѣвшіеся, любопытные дѣтскіе глаза торжественно высматриваютъ насъ, точно боясь, что вотъ-вотъ мы исчезнемъ въ одно мгновеніе ока. Сверху широкая полоса свѣта прорвалась въ дыру, образовавшуюся между балками кровли, и сразу ложится внутри гуты, выхватывая изъ обружающаго сумрака маленькую дѣвочку въ бумачномъ сарафанчикѣ съ большими волунсуганными глазами и цѣлымъ ворохомъ бѣлокурныхъ волосъ на головѣ. Носъ весь у нея въ сажѣ, пальцы тоже. Оранжевый какъ былъ въ носу, такъ и остался.

— Здравствуй, Сандрильона! — обернулся я къ ней.

Вспыхнула, покраснѣла, посмотрѣла на подругъ и медленно отступила назадъ въ сумракъ. Теперь яркій лучъ сверху игралъ только на осколкахъ стекла, да на сѣрой массѣ саркофага, гдѣ виднѣлась бутылочная масса. Въ другую псевдажину кровли скоро уже прорвались солнечные лучи, точно золотыя нитки протянувшись внутрь, но они пропадають не дойдя до полу, точно бояться той тьмы, не осидиваютъ ея. Вотъ навалила толпа зенберскихъ бабъ. Всѣ въ яркихъ костюмахъ: желтые съ краснымъ и зеленымъ. Одна стала подъ широкую полосу свѣта — точно загорѣлась вся.

Когда — то всѣ одѣвались такъ. Теперь только въ деревнѣ, которая подальше, еще остались эти костюмы. Остальныя одолеваетъ страсть къ отвратительному однообразію неуклюжаго городского костюма.

А между тѣмъ въ этой оригинальной яркости красочъ, въ смѣлѣхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ ихъ, всѣ женщины навалились красными. Какъ это не хватаетъ у людей вкуса одѣваться не такъ принято, а какъ лучше. Похожій на это платье, костюмъ послѣдней южной Франціи — въ Арль удержался до сихъ поръ. Его не могли осидить ни мода, ни нивелированные вкусы гальскаго кѣнства. У насъ, къ сожалѣнію, на этотъ счетъ поподатливѣе.

Из некоторых из здѣшнихъ бабъ были даже нашиты позументы, какъ шаръ горѣвшіе подъ солнцемъ. Гдѣ было освѣтлѣе, а случайно посмотрѣвъ вверхъ, увидѣлъ балки кровли, сплошь обитыя гнѣздами.

— Что это у васъ, — неужели воробы?

— Да, они тутъ птенцовъ страсть сколько выводятъ. Самая грустная птица. Они очень дымъ этотъ любятъ. Безъ нихъ бы и работать скучнѣе было.

Не успѣлъ я отойти, какъ позади послышался плачь. Смотрю, какая-то баба бросилась въ ноги хозяину.

— Что ты, что ты!... Это, матушка, передъ Богомъ только.

— Отецъ родной, помоги! Двое дѣтей остались. Вѣсть нечего.

— Хабаровъ!... Дѣйствительно нуждается?

— Да.

— А пакъ ей выдають?

— Ея мужъ не у насъ работалъ.

— Назначь ей. Пускай кормится съ дѣтьми, пока выростуть. Кому дай, если плоха. Мальчики подымутся, работники будутъ.

Здѣшняя печь, изобрѣтенная на мѣстѣ, становится недостаточной.

Французская бутылка въ Одессѣ вытѣснила здѣшнюю. Русская лучше качествомъ, но дороже, тогда какъ французская дешевле. Такъ изъ печи заразъ вынимають 20.000, а у насъ только 6.500 бутылокъ. Да кромѣ того наши желѣзныя дороги такъ небрежно обращаются со своимъ стекломъ, что зачастую мѣсто бутылокъ привозять одинъ бой. И воровства вдоволь.

— Вы знаете, иной разъ посылаешь машину, такъ на желѣзной дорогѣ ухитрятся части ея украсть. Заказчикъ получаетъ и, разиѣется, винить заводы. Приходится досылать второй разъ.

— А взыскать нельзя?

— Съ желѣзныхъ дорогъ-то?

— Да.

— Вы, батюшка, откуда?... Съ ними никакой управы нѣтъ. Вѣдать, что хотять.

Сейчасъ мы привезли съ собой выписаннаго изъ Франціи заводчика Гилтьера. Онъ долженъ былъ перестроить печь. Съ нимъ и съ рабочими устроили родъ военнаго совѣта. Рабочимъ передалась то, что говорилъ французъ, а рабочіе вставляли свои очень дѣльными замѣчанія. Услышавъ совѣтъ непонятные звуки, директоръ иневердилась во всѣхъ щеляхъ, куда было попряталась.

— Ну, какой онъ?—слышится изъ одной щели.

— Дайте, братчики, послушаемъ. Ишь какъ дѣдушка на языкъ вывалитъ можетъ,—слышится въ другой.

Точно тараканы переговариваются. Одинъ даже не могъ совладать съ любопытствомъ, выползъ, пробрался въ толпу, сталъ вонючь вонючь Гюитьера, вылупилъ на него глаза и точно въ ротъ ему всунуть желаетъ. Гюитьеръ между прочимъ взялъ его за носъ. Изумленного мальчишку и это не остановило, онъ даже не перевелъ взгляда съ губъ француза.

— Что, Монька, чудно?—слышалось потомъ.

— Ушь какъ чудесно!

— Что-жь, ты видалъ, какъ онъ балакаетъ?

— Онъ балакаетъ по-своему... Языкъ его все больше по роту вылетаетъ.

— Ты видалъ?

— Видалъ... Онъ ротъ откроетъ, а языкъ у его сейчасъ въ ротъ упрется.

— Оттого онъ и баять такъ.

— У насъ, братъ, Монька смѣлый. Онъ до всего дойдетъ.

— Онъ французъ не страшный. Меня перстами за носъ взялъ.

— Ну?

— Не больно. Я стоялъ.

— А ты бы у яво пряниковъ попросилъ!—слышится практический советъ со стороны.—У яво карманъ-то вишь какъ вываленъ, должно-быть пряники въ ѣмъ.

— Снизите,—обратился я къ одному изъ рабочихъ потолкаю,—если рабочій умретъ здѣсь, что дается его семьѣ?

Оказалось, что семья ихъ обезпечивается всѣмъ, пока дѣти не подростутъ и не будутъ въ состояніи работать сами. Даже женщины, если заболѣтъ на работѣ, какъ бы ни была молода, получаютъ по ея смерти хлѣбъ, масло, соль и по 60 коп. въ мѣсяцъ. Сверхъ того за нее подушныя платитъ тоже заводъ.

— Ката у меня развалилась вся!—является одна изъ этихъ пенсионеровъ.

Писковтрѣли: дѣйствительно, ветха.

— Сколько новыхъ построено?

— Десять пока, но мы еще строимъ.

— Перевести ее въ новую.

Новая изба, куда ее перевели съ семьей, считается уже поштенной ей. Она—полная хозяйка. Ежегодно здѣсь строится по

исключают десятков таких домовъ для рабочихъ и для ихъ семей. Вообще на меня произвела весьма отрадное впечатлѣніе та заботливость о судьбѣ рабочего, которая тутъ замѣчается повсюду. Что-то совсѣмъ уже непохожее на другія заводскія места. Въ каждомъ заводѣ побольше есть врачъ и госпиталь, въ вторыхъ число проваторовъ—отъ 10 до 50, смотря по необходимости. Провизоръ живетъ въ Дядьковѣ. Въ Людновѣ и Дядьковѣ выйдутся большія аптеки. Въ самыхъ маленькихъ больницахъ работаютъ фельдшера и маленькія аптеки. Въ нѣкоторыхъ есть и сядѣли. Содержание больницъ и аптекъ обходится въ 35—40.000 руб. Жалованье врачамъ полагается при личной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и лошадяхъ для разъѣздовъ—отъ 1.000 до 1.500 р. и фельдшерамъ отъ 200 до 300 р. въ годъ. Фармацевту полагается около 600 руб. Населеніе къ больницамъ питаетъ большое довѣріе. Чуть что, идутъ туда и лечатся. Но что меня поразило здѣсь, также какъ вѣрно поразило и тамъ, кто по моимъ слѣдамъ придетъ сюда, это—незначительный процентъ больныхъ. Ихъ не видно между населеніемъ. Опытнѣе всего, свидѣтельствующее, что условія работы здѣсь, сравнительно разумеется съ другими заводами, не особенно тяжелы.

Въ Знеберъ къ зимѣ является изъ чужихъ селъ масса народа. Все это—голодное, оборванное, съ голодными семьями. Дѣтей не куда.

— Дѣти пропадаютъ совсѣмъ. «Вѣсть нечего,—помогите!»

— Что-жь вы тутъ дѣлаете?

— Ну, и беремъ, кормимся до лѣта. А ужъ свои чуть гдѣ увидимся, тѣ ужъ идутъ прямо, требуютъ какъ должнаго!

— Сколько у васъ вѣдь постоянныхъ рабочихъ?

— Дѣсти, да вспомогательныхъ шестьдесятъ, не считая дѣтей.

— А идутъ?

— Не хочется. Туча цѣлая работаетъ. У насъ ихъ безъ...

— Наша баба страсть какъ плодлива.

— Плодливѣе бабы нѣтъ, что ужъ! Ишь ихъ сколько бѣгавтъ-то, вислозги этой! Сегодня столько, а завтра иначе—не со...

— Ишь дѣйствительно около обжигальной печи подымали цѣлая...

— Не обрѣзаваются?

— Обрѣзаются, ничего. Мы сами всё съ измалѣтства по стеклу
иногда и стеземъ живемъ!

Стекло въ большомъ резервуарѣ варится отъ 14 до 18 часовъ,
потомъ въ теченіе семи часовъ изъ него выдуваютъ разомъ
сорокъ бутылочекъ. При этомъ заработки совсѣмъ различны съ
мастерами и Ивотомъ. Мастера здѣсь получаютъ отъ 28 до 30
руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, а рабочіе отъ 6 до 10 руб.
на содержаніе, также какъ и дѣти, которымъ сверхъ
того уплачиваютъ отъ 2 до 3 руб. въ мѣсяцъ. Недалеко отсюда
есть такой же заводъ, Старъ, но мы туда уже не поѣхали, —
намъ уже было довольно знакомиться съ стекляннымъ дѣ-
ломъ.

Когда мы ѣхали назадъ, набѣжала тучка и приснуло на
несколько часовъ весеннимъ дождемъ.

— Слава Богу! — закрестились кругомъ. — Теперь трава по-
кажется чудесная.

— Бутъ, кажется, выростетъ много! — озабоченно говорить

— Бутъ... Это точно... Онъ подлый! — гудитъ басъ Слюо-

— Басъ этотъ дождь — чудесно. Коль козодъ еще дер-
жится въ землѣ, весь его выпарить.

— Губбу, точно, хорошо! — баситъ Слюосаревъ.
А тучка уже была далеко, далеко и яркое солнце свѣтило
изъ глубь зеленого, яркаго лѣса.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ)